

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строим не воюют

Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

Евгений КРАСНИЦКИЙ
Елена КУЗНЕЦОВА
Ирина ГРАД

ОТ РОК

Бабы строим
НЕ ВОЮЮТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»
Выпуск 8

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**К78 Красницкий, Евгений Сергеевич;
Кузнецова, Елена Анатольевна; Град, Ирина**

Отрок: Бабы строем не воюют: роман / Евгений Красницкий, Елена Кузнецова, Ирина Град. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 480 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-103990-5

Законы управления и в женском мире действуют так же, как и везде. И если женщина – управленец слабый, неумелый, неопытный, не располагает достаточным материальным или интеллектуальным ресурсом, то она чаще прибегает к силе и принуждению, чем управленец, обладающий большими возможностями. Только вот сила и принуждение в женском мире зачастую выглядят совершенно иначе, чем в мире мужском, а советы и поучения управленцев-мужчин женщина воспринимает очень и очень по-своему. Она почти всегда найдет что возразить, но зачастую делает это только мысленно. А зачем возражать? Все равно устроит все так, как сама сочтет нужным.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий,
Елена Кузнецова, Ирина Град, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-103990-5

Глава 1

Неурочной поездкой в Ратное Анна намеревалась убить несколько зайцев. Строительство усадьбы для Андрея откладывать нельзя, с приказом воеводы не поспоришь — это во-первых. Во-вторых, Демкина выходка подтвердила, что новую родню, которая во множестве толклась на лисовиновском подворье, надо срочно пристраивать к делу и расселять из Ратного. И так с этим затянули дальше некуда — вот и получили позорище на все село. Кабы не проводы полусотни, боярыня, может, и раньше бы собралась. Ждать до воскресенья? Но в суете, с девками, что там решишь? Вот сейчас, когда ее не ждут — в самый раз приехать и не спеша, вдумчиво во всем разобраться.

Ну и, наконец, Татьяну проводить, как подобает, со всем уважением. Как-никак, тоже боярыня Лисовинова. Накануне, разогнав после обеда девиц по занятиям — кого к Арине, кого к Прошке, — Анна обратилась к снохе, которая все еще неспешно трапезничала, погруженная в свои мысли.

— Как ты сегодня? — за гулом голосов суетящихся с посудой холопок и прочим шумом, царящим в это время в кухне, гостя не сразу услышала обращенный к ней вопрос, так что пришлось повторить. — Ребенок-то не беспокоит?

Татьяна в ответ закивала и улыбнулась, сразу становясь моложе:

— Да вроде как ничего, Ань, вчера умаялась, конечно, а спала хорошо, с устатку и не чуяла ничего... А сейчас только голова немного кружится, от жары, небось. Вон давеча... — она явно собралась обстоятельно поведать о своем самочувствии, но Анна не дала ей договорить — по привычке прежнего, ратнинского, житья взяла на себя роль ведущей в разговоре и решительно переменяла тему:

— Ну, так пойдем отсюда, если уже поела. На улице-то попрохладнее... А Кузьма у тебя какой молодец! Прямо удивительно!

— Кузенька? — довольная гостья было улыбнулась, но тут же потускнела. — Не иначе опять что-то этакое изладил... он же у нас мастеровитый. Весь в Лавра, — со вздохом закончила она.

— Да нет, не в том дело: на отца-то он и впрямь похож, тут ты права, но ведь и от деда тоже немало взял! А теперь сам уже, почитай, наставником стал — выбрал себе двух помощников и учит их.

— Это Кузьма-то? — охнула собеседница. — Учит?

— Ага. Прямо на глазах взрослеет.

— Взрослеет... — опять вздохнула Татьяна. — И он тоже. А ведь совсем еще мальчишка...

— Да все они мальчишки, — Анна не смогла скрыть тревоги, которая мучила ее со вчерашнего дня, после проводов. — Только вот взрослеют слишком быстро.

— Да уж. Мои совсем чужими стали, мать им вроде как больше и не нужна. Я вот приехала, — всхлинула Татьяна, — а они все заняты. И понимаю я, что так оно и надо, но... хоть бы годик еще детьми побыли, подле меня.

За таким неспешным разговором Анна довела послушно следовавшую за ней сноху до своей светлицы.

— Располагайся на лавке поудобнее, да успокойся. На вот рушник, вытри глаза. Подушку тебе под спину пристроить?

Татьяна благодарно кивнула и завозилась на лавке, пристраиваясь так, чтобы спина не устала.

— Тань, ты когда в Ратное возвращаться хочешь?

— Ох, Ань... да я и не знаю... надо бы поскорее. Сама понимаешь — надолго хозяйство без пригляду не оставишь... Как Кузя повезет, так и поеду.

— Ну-у, пока еще он соберется, дел-то у него и вправду много. А мне самой все равно в Ратное съездить надо, так, может, вместе и отправимся? Тебя довезем — на наших-то телегах сподручнее. Видела, небось, как девки приезжают? Тебе сидеть способнее будет — спине легче.

— А не растрясет меня? Голова не закружится? — Татьяна и хотела опробовать новшество, про которое в селе давно судачили, и опасалась. Мало ли что девки ездят, они, чай, не беременные. — Ну, да ладно, авось доеду, с Божьей помощью. По дороге тогда и поговорим, а то батюшка придумал, а нам расхлебывать.

— Доедешь, будь спокойна. Я велю отрокам еще мешков с сеном в телегу положить, так что если сидеть устанешь — ляжешь. Сегодня-то ехать уже поздно, а завтра с утра и тронемся... если с тобой все в порядке будет. А поговорить... поговорить лучше сейчас, пока рядом лишних ушей нет.

— Каких ушей? Ты про что?

— Да про отроков я... возницей-то кто-то из них поедет, да и охрана с нами будет, а они иной раз болтливей девчонок. Зачем нам, чтобы об лисовиновские дела кто-то язык трепал?

— А... ну это да, конечно... только лезут тут всякие... в Лисовины-то, — выпалила младшая сноха.

— Это ты про кого? — голос Анны резко построжел, но Татьяна ничего не заметила.

— Да про Арину эту... Вот уж не думала, что кто-то на Немого позарится да голову ему задурит... Ну да баба молодая, справная... Батюшка наш, хоть Листвяна его к рукам и прибрала, а все равно — эта только плечом повела, так он готов всю семью обделить, лишь бы ей угодить. Самому-то Немому оно и без надобности — сколько лет при нас жил и доволен. Чего ему не хватало-то? Ох, могут же некоторые мужей разума лишать!

Татьяна поджала губы и сокрушенно покачала головой, являя собой образец добродетельной жены:

— Скромных да работающих только на словах хвалят, а как до дела дойдет, вот такие Арины да Листвяны все и получают. Вот и Лавр мой... — она все-таки не удержала слез. — Когда он к тебе... и то лучше было. Он тогда и спокоен был, и меня не обижал, а теперь... словно на пенек смотрит! Настена не разрешает нам сейчас с ним спать, так он и рад! Ну чего тебе тогда не хватало? Жили бы тихо, как по древнему обычаю заведено, и батюшка не попрекал... А сейчас...

Анна оторопело смотрела на сноху. Вот уж чего она от Тани не ждала, так это напоминания о Лавре. Самато всеми силами старалась выкинуть из памяти то, что когда-то связало ее и мужнина брата, а тут — нате вам! Спасло ее, что сноха опять залилась слезами, уткнулась в рушник и ничего не замечала и не слышала.

«Нет, ничего отвечать не буду, а то еще неизвестно, до чего договоримся. А вот про Андрея...»

— Ну-ну-ну... водички вот выпей. Давай-ка я рушник намочу, оботри лицо-то... Увидят, что обо мне подумают? Скажут, боярыня гостью дорогую обидела...

Анна хлопотала вокруг родственницы, а сама медленно закипала.

«Ну, Дарена, ну, напела... Доберусь я до тебя завтра!»

Всхлипы становились все реже, наконец Татьяна отняла рушник от глаз и уставилась на хозяйку.

«Господи, неужто и я в тягости такой же дурой выглядела?»

— Тань, ты как, успокоилась? Слушать-то можешь? — мягкость из голоса куда-то исчезла, с гостьей теперь говорила не родственница — боярыня.

— Ты чего, Ань? — Татьяна не поняла, с чего Анна так переменялась, и испугалась.

— Да все бы ничего, только вот за что ты так Андрея обездолить хочешь? Чем он перед тобой провинился? Али не человек он? Ведь родич нам... батюшку Корнея собой от смерти закрыл.

— Как обездолить? — все еще не понимала Таня. — Чего ему не так-то? Батюшка Корней с ним как с сыном... того и гляди... Бабы-то вон говорят...

— Бабы! — взорвалась Анна. — А ты куда смотришь? При тебе близкую родню хаот, а ты молчишь да слушаешь? Ладно бы просто слушала, так еще и повторяешь...

— Ну, так они же правду говорят. И о нем тоже пекутся — не чужой ведь. Он при нас спокойно жил, а теперь?

— Озаботились, значит? — зло усмехнулась Анна. — Пряма-таки для его пользы стараются! Все у него есть, говоришь? А семья у него есть? Дитя свое он на руках держал? Жену обнимал?

— Да нужен он ей! Ну, сама посуди — с чего это такая, как она, с ним, с увечным? Ей же добро наше глаза застит! Ишь, возле сильного рода пристроиться захотела!

— А ты ей в глаза хоть раз посмотрела, что так судишь? Увечный? Да он ей дороже любых красавцев — вон Глеба отшила, как и не видела его.

— Г-глеба? К-когда? — от неожиданности заикнулась Таня, а Анна вдруг хихикнула по-девчоночьи, вспоминая недоумевающее лицо записного ратнинского сердцеда.

— Да ты не обижайся, не над тобой я смеюсь — так, вспомнилось...

И вдруг ее отпустило; куда-то пропала досада от того, что придется отрываться от насущных дел и тратить

время на разговор с Татьяной, исчезло раздражение на слабую характером и невеликого ума сноху. Повяло чем-то знакомым домашним, теплым. Она и задумываться не стала, отчего так — просто отдалась этому ощущению, позволявшему хоть ненадолго забыть о свалившихся на нее заботах и тревогах.

А все было просто: они сейчас ненадолго вернулись в те времена, когда после смерти свекрови Анна решительно взяла на себя обязанности большухи лисовиновского рода, а Татьяна не только не воспротивилась этому, но и с видимым облегчением спряталась за ее спину. И вот сейчас, как и в прежние годы, Татьяна могла влечь пожаловаться и поплакаться, а Анна — более сильная духом, больше в жизни повидавшая — утешала, наставляла, уговаривала. Совершенно неважным вдруг оказалось, на что именно жалуется Татьяна и что отвечает ей Анна — важен стал сам разговор, на краткое время возвративший их к прежним отношениям. И хотя обе понимали, что вернуть прошлое невозможно, но существует на свете бабье утешение — хоть час, да мой.

Так и сидели рядышком в светлице две женщины, волею судьбы когда-то вошедшие в род Лисовинов: одна — не без трепета, но решительно взявшая на себя, когда это потребовалось, роль хозяйки, и другая — на которую эта роль свалилась вопреки желанию, придавив неподъемным для нее грузом. И обе боялись какой-то неловкостью разрушить это неожиданно возродившееся ощущение прежнего: Татьяне сладостно было вновь оказаться за спиной сильной и умной Анны, а Анне хоть на какое-то время забыть о тяготах боярских обязанностей.

Однако... ушедшего не вернешь, как ни старайся. В прежние времена, скорее всего, на сплетне про Глеба разговор и закончился бы, но теперь...

— Ты мои слова про Андрея запомни да потом подумай крепко, так ли хорошо ему жилось, как тебе напели, — Анна вернула выражению лица и голосу настави-

тельную строгость. — А что до хозяйства ему да Арине... Ты вот все про горшки да ухваты толкуешь, а речь-то о другом надо вести. еще один Лисовин семьей обзаводится, род увеличивается, сильнее становится, а ты об утвари печалишься. Радоваться надо!

Татьяна собралась было возразить, но Анна ей не дала:

— Да, радоваться! Тем более что почти ничего из ратнинской усадьбы Лисовинов и отдавать не придется. Родне твоей про бунт забыть простительно, но ты-то должна помнить!

— А причем тут бунт, Ань? Бунтовщиков-то, кто жив остался, кого к родне отправили, кого просто так изгнали.

— Ну да, отправили... с тем, что на телегу поместилось. А остальное?

Недоумение на лице Татьяны медленно сменялось сомнением, потом пониманием и опять сомнением пополам с облегчением.

— Ань, так батюшка Корней отдает то, что от них осталось, да?... Ой, а я-то...

— Ну, кое-что добавить все-таки придется... Да не дергайся ты... так, по мелочи. Арина и сама не с пустыми руками сюда явилась — привезла три телеги всякого добра, что от огня спасли.

— Три телеги, говоришь, привезла... — затянувшееся молчание снохи заставило Анну взглянуть на нее пристальнее. — Ну так чего ей еще-то? Семья пока небольшая, к нам-то вон сколько прибыло, да не с тремя телегами... — поджав губы, покачала головой Татьяна. — Да и на чужом горе, сама знаешь, счастья не построишь... хоть и нет хозяев давно, утварь зазря вроде пропадает, но все равно как-то оно...

— Ты чего, Тань? Бунтовщиков жалеешь? Ты лучше подумай, что бы с тобой Марфа сделала, если бы не Лисовины верх взяли, а ее Устин.

— Свят-свят-свят! — испуганно обмахнула себя крестом Татьяна.

— То-то же! Или ты не бунтовщиков, а их добро пожалела? Так им все равно Корней распоряжается, а не всякие там... Нам же его волю выполнять надлежит. И выполним! Ты меня поняла?

— Да поняла я, поняла, что ж ты так-то... И подумать уж ничего нельзя...

— Об этом уже подумали. А ты лучше заткни этих клуш, пусть не кудахчут и Арине вслед не шипят.

— Тебе легко говорить, — продолжила свои причитания Татьяна, — у тебя все по ниточке ходят, вон, девки-то в трапезной давеча дохнуть лишний раз боялись, а я измучилась.

«Измучилась она... Знала бы, сколько я сил да времени на такую легкость потратила...»

— Не образумятся — я сама за них возьмусь, да и Арина не спустит при случае — а у нее язычок-то поострее засапожника.

Тут бы боярыне Лисовиновой и остановиться, а она зачем-то свернула на привычные хозяйственные дела: кого из куньевских предстоит отправить на высылки, кого возможно со временем переселить в крепость, спрашивала, какие припасы уже заготовлены на зиму... Любой хозяйке такой разговор понятен и привычен, но в какой-то момент Анна с удивлением поняла, что ежедневные хозяйственные заботы ратнинской усадьбы ей не то чтобы не интересны, а просто-напросто ее не касаются.

«Все, матушка-боярыня, уехала из Ратного — отрезанный ломоть. Нет, конечно, совсем без пригляда усадьбу оставлять нельзя, но то, что здесь, в крепости, важнее. Господи, ну прямо как опять в чужую семью замуж ушла... хотя нет, не в чужую, здесь все мое, здесь я сама все создаю! Надо же, как обернулось, а ведь без Танькиного нутья, наверное, не скоро такое в голову пришло бы».

На следующее утро Анна устроила Татьяну на «девичьей» телеге со всем возможным удобством и в сопровождении полудесятка охраны под командой младшего урядника Климента отправилась в Ратное. Дорога, и без того длинная и скучная, в этот раз показалась боярыне настоящим испытанием: беременная сноха почти без роздыху то ахала и охала на каждом ухабе, то принималась жаловаться на щенков, которые своим воем не давали ей всю ночь заснуть. Понимая, что Татьяне и правда нелегко дается путешествие, а тряска в телеге может ей повредить, Анна не торопила возницу, велела ехать тихо, с бережением. Какое-то время они даже не спеша прошлись, чтобы ноги размять.

Сопровождающие их отроки осторожно снесли Татьяну с телеги, побряхтывая под весом отекавшей от тяжелой беременности женщины. Поставили на дорогу, подождали, пока она, охнув от неожиданности, утвердится на ногах, и вопросительно посмотрели на боярыню — все ли ладно?

— Молодцы, ловко управились. Возница пусть телегу за нами ведет, а остальные позади нее едут, — скомандовала Анна младшему уряднику. — Мы немного сами пройдемся, пока боярыне Татьяне от тряски худо не сделалось.

— Так, это... — замялся Климент, — матушка-боярыня, негоже так.

— Это еще что за новости? — Анна изумленно взглянула на него. — Ты мне перечить взялся?

— Прости, матушка боярыня, но у нас приказ есть, строгий, — отрок сглотнул, оглянулся на своих подчиненных и опять уставился на Анну.

— Какой такой приказ? Кто посмел?

— Господин старший наставник приказал в пути женщин одних вперед не пускать! Сначала охрана должна дорогу проверить! — отчеканил младший урядник.

«Господин старший наставник, говоришь? Ай да Лешка... слов нет... Издалека — и то бережет».

– Ну, старший наставник свое дело знает...

Парни облегченно выдохнули.

– Молодцы, хвалю.

– Рады стараться, матушка-боярыня!

По команде младшего урядника двое отроков отправились вперед, за ними, чуть погодя, шли Анна с Татьяной, за ними, опять же в некотором отдалении, ехала телега, а позади нее – остальные отроки, настороженно оглядываясь по сторонам.

Так, за разговором, то на телеге, то на своих двоих женщины не спеша добрались до Ратного намного позже, чем Анна рассчитывала. Прибыли и узнали, что ратнинская сотня рано утром тоже ушла в поход. Татьяна сразу же взвыла – Лавра не проводила! Не к добру это! У Анны уже не оставалось ни сил, ни времени опять ее успокаивать. Передала сноху с рук на руки Дарене, наказав устроить ее в горнице и по возможности чем-то отвлечь от причитаний.

– Как все сделаешь, опять меня найди, – коротко приказала боярыня бывшей большухе Славомирова рода и отвернулась к Листвяне, ожидавшей ее распоряжений.

«Холопка, а как держится! И сыновья в первый раз в поход ушли, и Корней проводила – а хоть бы слезинка в глазах! Кремьень-баба. Если сумеет-таки батюшку окрутить, то всех тут под себя согнет».

– Значит, так: я сейчас по усадьбе пройдуся, посмотрю, что да как без меня тут делается, потом позовешь мне тех холопов, про которых тебе Корней Агеич наказывал... помнишь? – Листвяна кивнула и повернулась было к двери, но Анна ее остановила. – Погоди. Обед мне сюда подашь, а как поем – пусть Дарена придет. И сама поблизости будь – я с тобой после всех поговорю. Ступай.

Не было у Анны таких уж срочных дел на подворье: она прекрасно знала, что в хорошо отлаженном хозяй-

стве и без нее все идет своим чередом. Однако вчерашнее осознание ненужности ее вмешательства в жизнь ратнинской усадьбы, мысль о том, что ей это не только не надо, но и неинтересно, не давали покоя. Приезжая в село по воскресеньям, она регулярно замечала небольшие, незаметные постороннему глазу перемены. И не сказать, чтобы к худшему, но она отдала этому дому много лет, положила немало сил, устраивая его уклад так, как считала нужным, полезным и удобным, а теперь с недоумением и раздражением отмечала, как постепенно этот уклад изменяется, как новые хозяйки приспособливают его по собственному разумению.

Анне, конечно, и в голову не приходило, что чувства, которые она испытывала, были и будут равно близки и понятны миллионам женщин и до, и после нее. Именно женщин, потому что мужчины, по большей части, этих чувств не только не испытывают, но нередко и не знают о них, а если знают, то, не мудрствуя, величают бабьими дрязгами или вовсе бабьей дурью. Да и с чего бы им относиться к этому иначе, если нелады, вплоть до настоящей вражды, складываются у вошедших в семью невесток и зятьев именно с тещами и свекровьями, а не тестями и свекрами? А начинается-то с малого — с мелочей, мужскому взгляду подчас вовсе невидимых.

Любая хозяйка обустроивает дом по-своему, вкладывает в это дело всю душу. Порой годы уходят на то, чтобы исподволь приучить домашних к единственному и неповторимому укладу жизни; настроить его, словно музыкальный инструмент. Мужчина этот порядок замечает, только когда он по какой-то причине нарушается, да и то не всегда, а для женщины в нем заложен немалый смысл. Дом — это продолжение ее самой, ее характера, привычек, предпочтений. Любые изменения в этот уклад вносятся только с ее согласия и одобрения. Муж может, не спросив жену, принести в дом